

НАСЛЕДНИК

Командир роты принял рядового Кассихина за просто, по-товарищески, но солдат чувствовал какую-то неловкость. Капитан уже дважды предложил садиться, а Кассихин продолжал переминаться с ноги на ногу.

— Я на минутку... Вы обещали мне... — Кассихин не договорил.

— Знаю, что обещал рекомендацию, — сказал капитан и добавил: — Потому и хочу поговорить. Такая вещь, как рекомендация, наших не делается.

Во время беседы капитан интересовался, как дается служба, как учеба идет, что читает он, Павел Кассихин.

— Вот эту читали? — спросил командир роты, доставая с полки роман «Знаменосцы». — Хорошая книга, поучительная.

— Там дела фронтовые, а мы и пороку не нюхали, — возразил Кассихин.

— О —

Лекция о Советской Армии

Металлурги, проживающие в Березках, часто посещают агитпункт избирательного участка № 10 Сталинского района. Почти ежедневно здесь проводятся какие-нибудь интересные мероприятия для избирателей. Например, недавно трудящиеся прослушали лекцию инженера-механомонтажника т. Рудина «XXI съезд КПСС — съезд строителей коммунизма». После лекции состоялся большой концерт, который дали участники кружков художественной самодеятельности клуба горняков.

С большим интересом избиратели прослушали на днях лекцию офицера запаса, бывшего фронтовика т. Гурьянова о развитии Советских Вооруженных Сил за 41 год. Лектор поделился своими воспоминаниями о победоносных боях Советской Армии с немецко-фашистскими войсками. Присутствующие задали ему много вопросов, на которые он дал обстоятельные ответы.

Н. СИДОРЕНКО.

— Вот и учитесь быть таким, как был ваш отец, — один из знаменосцев.

Кассихин вспомнил отца. Он не вернулся с фронта. Погиб смертью храбрых.

Кассихин ревностно нес службу, всю энергию отдавал совершенствованию боевой выучки. Таким его приняли в кандидаты партии.

На партийном собрании, где присутствовали и молодые офицеры, и ветераны войны, — командир роты, рекомендуя принять молодого воина кандидатом в члены партии, обратился к Кассихину:

— Помните, что и сегодня, когда за вами закреплено оружие, и завтра, когда может бытье работать у станка, — вы солдат Родины, наследник боевой славы.

Прошло больше года, как Павел Кассихин снял солдатские погоны. Ныне он работает слесарем. Но и здесь в кузнечно-прессовом цехе, как и в армии, он идет вперед, он организатор молодежи, ее вождь, активный спортсмен. Он делает все, чтобы и другие хорошо потрудились.

Н. МИХАЙЛОВ.

Мартеновцем я стал в 1931 году, сразу же после окончания школы ФЗУ.

Богатела страна, лучше становилось жить, черты нового, коммунистического будущего виделись нам.

И эту мирную жизнь, творческий труд миллионов прервали фашистские орды.

Направили меня учиться военному делу и затем офицером послали на фронт.

Помню вьюжный февральский день. Занимали мы дощину, а впереди — высотка. Там гитлеровцы. Трудно было наступать, два раза отходили мы с потерями. Там получил я тяжелое ранение в грудь и руку.

Уже после узнал, как наши воины все же сломали сопротивление врага, заняли высотку и дальше погнали захватчиков.

Работаю у печи № 21. Здесь несет вахту Герой Социалистического Труда С. Вавилов, сталевары тт. Аленкин, Феоктистов. А с нами младшие товарищи. Мой первый подручный Василий Данич служил в Советской Армии в послевоенные годы. Он дисциплинированный мартовец, хорошо справляется с делом. Подручные Василий Буданов и Анатолий Чернов — выпускники ремесленного училища.

Коллектив печи дружен. В едином строю металлургов страны идем мы в мирном походе, укрепляя могущество Родины. С успехом завершили план прошлого года, в январе выдали сверх задания 728 тонн металла. На февраль взяли повышенное обязательство, но и его уже перевыполнили. День Советской Армии встречаем вылачей почти полторы тысячи тонн сверхплановой стали.

М. ЧЕРТИЩЕВ,

сталевар печи № 21 третьего мартеновского цеха.

Воин вернулся домой

— Ну, мама, хватит. Пора на работу.

Вопрос, где жить и работать после армии, для Александра был решен. Где? Конечно, на металлургическом комбинате. Кем? Да опять же газовойрубщиком. В родном цехе, наверное, ждут не дождутся. Ведь он, Александр Сафонов, был газовойрубником высокого разряда и его ценили. Не даром, когда он уезжал в армию, мастер сказал:

— Эх, отличный работник от нас уходит.

А уж старый мастер знает толк в людях.

... В колею Александр вошел быстро. Как и до ухода в армию, он стал работать газовойрубщиком по седьмому разряду. Наблюдая, как Александр ловко орудует инструментом, мастер только диву давался:

— Да ты, брат, совсем не разучился работать. Уж не был

ли ты и в армии газовойрубщиком? — пошутил он.

— Нет, там работа была посложнее.

... Дни бежали быстро. Александр Сафонов снова, как и до ухода в армию, стал одним из лучших газовойрубщиков адъюстажа обжимного цеха. И нередко он слышал лестные отзывы о себе.

Вскоре после того дня, когда приступил Александр Сафонов к работе, в цех пришел другой демобилизованный воин. Бригадир Николай Кудряшов, подведя к Александру бравого парня в солдатской шинели без погон, отрекомендовал его:

— Это Геннадий Загорей. Он будет у тебя, товарищ Сафонов, учиться работать.

Ну, что ж. Учить, так учить. Александр всегда готов. Ведь и сам-то он учился когда-то вырубать металл у опытного газовойрубщика Кузмы Феоктистова.

И добрым словом вспоминает сейчас этого молчаливого, но делового человека.

Загорей оказался толковым парнем. И учить его пришлось недолго. Вскоре он уже получил пятый рабочий разряд, а спустя еще некоторое время — шестой разряд.

... Иногда Александр получает письма от своих друзей-однополчан, продолжающих службу в Советской Армии. Товарищи сообщают о своих успехах в боевой и политической подготовке, желают удачи в труде. И Александр охотно отвечает на эти письма. Он с радостью и гордостью сообщает воинам, как принимает самое активное участие в социалистическом соревновании за успешное выполнение семилетнего плана коммунистического строительства в нашей стране, намеченного XXI съездом партии.

В. БОРОДАВКИН.

ПЕРЕЛОМ

В середине лета 1943 года все сводки Совинформбюро пестрели сообщениями о том, что северо-западнее Мценска идут ожесточенные бои. По сути дела, это направление было сердцем Орловско-Курской дуги.

Северо-западнее Мценска было местом ничем особым не примечательным. Река Ока являлась естественной границей. Возвышенный, поросший орешником берег скрывал противника. На другой стороне, на ровной как стол равнине, кое-где только изрезанной оврагами, располагались советские войска.

В конце июня, когда сюда прибыла артиллерийская дивизия резерва главного командования, этот участок фронта был, пожалуй, самым тихим. По утрам ровно в положенное время с немецкой стороны вылетало два-три звена бомбардировщиков. Они сбрасыва-

ли бомбы. Взрывы кололи сухой, жаркий воздух. Потом снова наступала относительная тишина.

Тем, кто был здесь, казалось, что далеко вокруг нет ни одного строения. В самом деле, здесь не было ни одного дома, ни телеграфных, ни электрических столбов.

Трудно было подумать, что на этой равнине развернутся ожесточенные бои, что здесь не останется буквально ни одного метра, не тронутого снарядом или миной.

По вечерам в окопах вспыхивали короткие, ленивые разговоры.

— Не фронт, а курорт здесь. Я вот на северо-западном был. Вот где дела творились. Даром, что север, а жарче, чем сейчас было.

— Оно так, конечно... Да только перед грозой всегда тихо становится.

— Будет дело, чую, будет. Подожди...

И дело началось.

Утро 5 июля выдалось тихое, безоблачное. С первыми лучами солнца немцы начали канонаду. Шквал огня обрушился как-то неожиданно. Огненный смерч более часа крутился на переднем крае нашей обороны, а затем шаг за шагом стал подвигаться вглубь. И только рассеялся дым и глуше стали разрывы снарядов, противоположный берег Оки ожил. Густыми цепями немцы пошли в атаку.

Вот они вошли в реку. Вот, разбрызгивая воду, торопливо бегут к нашему берегу. А на крутом обрыве в орешнике мелькают все новые фигуры. Скоро вся река, насколько хватало взгляда, покрылась немцами. Еще, казалось, мгновение и эта лавина накроет окопы.

Но то было только мгновение. Ожили наши окопы. Захлебываясь, торопливо застучали пулеметы. К ним примкнули орудия. Закишела, закрутилась вода. Всего несколько минут бушевал же-

лезный смерч. И вот уже тихо на реке, только там и сям на мелких местах зеленеют неподвижные фигуры.

И опять немцы обрушиваются на наш передний край шквал огня. Снова атака. Снова вспыхивают фонтаны на реке. И так до вечера. Восемь атак выдержали наши воины.

Другой день начался бешеным обстрелом. И опять атака за атакой.

Три дня гудело, грохотало. Три дня как в лихорадке дрожала земля. Затем наступило относительное затишье. Теперь уже никто не верил в эту тишину.

Разговоры сейчас не отдавали ленью.

— Эх, двинуть бы теперь...

— А что? Двинем. Наше командование знает, что делать надо. Обязательно двинем...

И вот утро 12 июля. Началось оно сразу необычно. Без всякой маскировки на передний край выехала «катюша», как любовно на-

зывали солдаты реактивную установку. Она круто развернулась и сейчас же в небо полетела, оставляя белый след, длинные серебристые снаряды. Это был сигнал. И сейчас же захлопотало, заушало кругом.

Так неожиданно было это начало, что противник никак не реагировал на него. А потом уже невозможно стало отвечать. Черная полоса дыма все выше и выше поднималась над вражеским берегом. И там во мгле непрерывно стучало, перекашивалось, грохотало так, словно в большой бочке катились гигантские шары.

Через час к этому вихрю прибавилась авиация. Волна за волной непрерывно в течение трех часов шла на запад бомбардировщики, штурмовики. И все выше и выше вставала дымная пелена. Казалось она вот-вот достанет до самолетов.

Теперь уже «катюши» у всех на виду дивизионно выстраивались и, отстреливаясь, торопливо